

УДК 947.086(571.6)

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ «ВЛАСОВЦЫ» НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1945–1955 гг.)

Е. Н. Чернолуцкая

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
E-mail: chvalery@mail.ru*

Дается характеристика одной из групп послевоенных принудительных мигрантов в СССР – советских репатриантов, которые по возвращении на родину были отправлены на 6-летнее спецпоселение и получили условное название «власовцы». Часть из них была размещена на Дальнем Востоке, главным образом в Дальстрое. Раскрывается история их пребывания в регионе. Анализируются динамика численности, территориальное размещение, половозрастной и этнический состав. Показаны характер использования принудительного труда «власовцев», хозяйственно-бытовое обустройство, взаимоотношения с местным населением. Источниковую основу статьи составляют документы из фондов центрального (ГАРФ) и дальневосточных архивов, а также опубликованные материалы.

Ключевые слова: спецпоселенцы, послевоенные советские репатрианты, «власовцы», принудительные миграции, Дальний Восток.

В современной историографии проблема пребывания послевоенных репатриантов на спецпоселении исследована в рамках общего анализа системы спецпоселений в СССР (Полян, 2001; Земсков, 2005; и др.). Однако для Дальнего Востока специальных трудов, посвященных данному аспекту, не имеется. Частично он поднимается в работе Л. А. Крушановой (2006), немногочисленные материалы «точечного» характера приведены в работах по истории Дальстроя (Бацаев, 2002; Козлов, 2004; и др.) и Сахалина (Щеглов, 2002). Определенные шаги в освещении указанной темы мы предпринимали в публикациях, раскрывающих общий характер развития принудительных миграций на Дальнем Востоке во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (Чернолуцкая, 2005, 2006). Здесь мы ставим задачу более подробного анализа истории пребывания «власовцев» на Дальнем Востоке в качестве одного из крупнейших спецпоселенческих контингентов.

Появление в СССР этой категории населения связано с окончанием Великой Отечественной войны, когда в добровольном и принудительном порядке на родину стали возвращаться советские граждане, по разным причинам оказавшиеся в годы военного лихолетья на вражеской территории, среди них – военнопленные, гражданские лица, те, кто сознательно сотрудничал с немецкими властями либо был насильственно угнан за границу,

и др. По прибытии все они проходили специальную фильтрацию, определявшую их дальнейшую участь. Гражданских лиц при отсутствии значимого «компромата» обычно направляли к месту постоянного жительства (с запретом поселяться в Москве, Ленинграде и Киеве), а мужчин призывного возраста – в запасные армейские части. Но если выявлялась или подозревалась какая-либо преступная деятельность репатриантов, то их передавали в ведение НКВД для дальнейшей проверки. В эту группу, которую на бюрократическом языке первоначально обозначили как «спецконтингент», попадали, как правило, советские офицеры из числа бывших военнопленных, а также лица, служившие рядовыми в немецкой армии, армии Власова, национальных легионах, полиции и т. п. По итогам спецпроверки многих репатриантов приговаривали к заключению в ИТЛ как предателей родины или военных преступников, но основную массу в качестве постоянной рабочей силы передавали предприятиям ГУЛАГа, расположенным в различных регионах страны. Согласно современным исследованиям, в целом по СССР в распоряжение НКВД в виде «спецконтингента» было направлено 5,8% от общего числа внутренних перемещенных лиц (т. е. перемещенных внутри СССР с оккупированных территорий) и 6,5% «классических» репатриантов (прибывших из-за границы) (Эмиграция..., 2001. С. 75–76; Население..., 2001. С. 151–156, 161).

В соответствии с постановлениями ГОКО № 9871с от 18 августа 1945 г. и СНК СССР № 3141-950сс от 21 декабря 1945 г. та часть спецконтингента, которая состояла из лиц, служивших в строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских, переводилась на 6-летнее спецпоселение с закреплением на тех предприятиях, где они работали. Директива МВД СССР № 97 от 20 апреля 1946 г. требовала, чтобы лицам этой категории объясняли, что *«за измену Родине они должны нести более суровое наказание, но в связи с победой над Германией советское правительство по отношению к ним сделало снисхождение...»*. Членам их семей разрешался переезд к месту поселения, при этом гарантировалось, что они будут пользоваться всеми гражданскими правами и обеспечиваться жилплощадью (История..., 2004. С. 485, 487). Забегая вперед, отметим, что немногие семьи отважились воспользоваться этим разрешением и переехать в самые неблагоприятные районы проживания, к тому же многие репатрианты – молодые военнослужащие, побывавшие в плену, – были холостяками.

Во избежание терминологической путаницы необходимо обратить внимание на следующие особенности делопроизводственного языка того времени. С 1946 г. в документах учета Отдела спецпоселений МВД СССР термин «спецконтингент» был заменен на условный и неточный термин «власовцы», который, однако, не сразу вошел в обиход на местном уровне, поэтому какое-то время эту группу принудительных мигрантов нередко обозначали и как «спецконтингент», и как «репатриированные». В таких случаях Москва указывала на ошибку. Например, зам. начальника ОСП МВД СССР подполковник Остапов в записке начальнику ОСП УВД по Хабаровскому краю майору Гершину от 25 февраля 1947 г. отмечал, что в документах вместо термина «спецпереселенцы – репатриированные» следует писать «спецпереселенцы – власовцы» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 323, л. 259).

Еще одна группа возвратившихся в СССР советских граждан – этнические немцы («фольксдойче») – по учетам ОСП была выделена в отдельную категорию спецпоселенцев – «немцы-репатрианты». В данной статье их рассматривать не будем.

В 1945 г. спецконтингент стали направлять и на Дальний Восток. Напомним, что система спецпоселений существовала здесь с начала 1930-х гг. Тогда она размещалась только в южной зоне региона – Хабаровском, Приморском краях и Амурской области, главным источником ее наполнения были так называемые раскулаченные крестьяне. Общая численность спецпоселенцев региона в довоенный период не превышала 51,1 тыс. чел. (1936 г.), к началу Великой Отечественной войны она снизилась

до 26,4 тыс., а к ее концу – до 19,6 тыс. Такая динамика была обусловлена тем, что с середины 1930-х гг. новых пополнений принудительных мигрантов сюда не завозили по геополитическим соображениям, исходя из сохранявшейся угрозы возникновения войны с Японией (Чернолуцкая, 2009, 2010). Победоносное завершение Второй мировой войны ликвидировало данный фактор и «развязало руки» советскому государству в размещении подневольных категорий населения и на такой ранее «запретной» территории, как Дальний Восток.

Прибытие послевоенных репатриантов дало начало новому этапу истории спецпоселенчества в регионе: с 1945 г. этот пенитенциарный сектор стал быстро расти количественно и географически; зона его действия, помимо прежних районов, стала охватывать также Северо-Восток и Сахалинскую область.

При этом Дальстрой принял основную часть спецконтингента, направленного на Дальний Восток. Первую партию завезли из проверочно-фильтрационных лагерей Ленинградского фронта в июле 1945 г. в количестве 4931 чел.; к концу года их число увеличилось до 29 036 чел., что составило основное пополнение рабочей силы Дальстроя за год (для сравнения: среди других категорий, прибывших в ДС в 1945 г., были 15,9 тыс. заключенных, 4 тыс. военнопленных японцев и 2 тыс. девушек-комсомолок, приехавших по мобилизации ЦК ВЛКСМ) (Бацаев, Козлов, 2002. С. 19, 218, 229–230, 263).

Приказом начальника Дальстроя И. Ф. Никишова № 0056 от 4 сентября 1945 г. (в соответствии с Постановлениями СНК СССР от 8 января 1945 г. и ГОКО от 1 августа 1945 г.) первые прибывшие на Колыму 4,9 тыс. репатриантов были переведены на положение спецпереселенцев. Во всех отношениях они подчинялись начальникам приисков и других предприятий ДС и только с их разрешения могли переводиться с одного предприятия на другое. Начальники предприятий о перемещении спецпереселенцев должны были ставить в известность соответствующих начальников РО НКВД, давая им списки перемещенных. Спецпереселенцам запрещалось отлучаться без разрешения начальника прииска за пределы района расселения, в противном случае такое действие рассматривалось как побег с привлечением виновных к уголовной ответственности. За нарушение трудовой дисциплины они отвечали по существовавшим законам. На спецконтингент распространялись действовавшие для вольнонаемного персонала ДС продолжительность рабочего времени (10 час), ставки зарплаты, нормы продовольственного и промтоварного снабжения (Там же. С. 215, 219).

А. М. Зеленый, работавший в то время в ДС на прииске «Джелгала», был свидетелем того, как на Колыму завезли бывших советских военно-

пленных, которыми заменяли выбывавшую рабочую силу. До разбора и оформления личных дел репатрианты работали на прииске, затем одних отправили на спецпоселение, других осудили на лагерные сроки (Мемуары..., 2007. С. 109). Этот процесс продолжался в течение всего 1946 г., о чем свидетельствует годовой отчет о движении рабочей силы ДС по основной деятельности и капитальному строительству: если в январе в составе работников насчитывалось 25 911 чел. спецконтингента и 4599 спецпоселенцев, то в июне соответственно – 12 361 и 13 112 чел., в декабре – 1 796 и 24 680 чел. (подсчитано по: Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 1806, лл. 2об., 69об., 176об.; д. 1807, лл. 32об., 72об., 156об.). Всего за год из 48 190 работников, принятых и трудоустроенных на предприятиях и в управлениях ДС (кроме заключенных), 27 198 составляли спецпоселенцы, 6233 – спецконтингент, переданный для работы в качестве вольнонаемных, и 14 759 – освобожденные из лагерей после отбытия наказания (Там же, д. 1919, л. 26).

Прибытие «власовцев» позволило предприятиям Дальстроя реорганизовать рабочую силу, занятую на основном производстве. Часть заключенных перебрасывали в труднодоступные районы Тенькинского и Индигирского ГПУ, на их место трудоустраивали спецпереселенцев, которых определили на следующие производственные участки: Северное ГПУ – прииски «Штурмовой», «Туманный», «Джелгала», «Бурхала», «Пятилетка», «Спокойный», Утинский золоторудный комбинат; Чай-Урьинское ГПУ – прииск «Комсомолец»; Тенькинское ГПУ – прииски «Гвардеец», им. Гастелло, фабрика «Берия», рудник им. Матросова; Индигирское ГПУ – прииск «Победа»; Западное ГПУ – прииски «Челбанья», им. Фрунзе. Соответственно размещению спецпереселенцев для надзора и контроля над ними на Колыме была организована сеть спецкомендатур, которых в 1945 г. насчитывалось 12, в 1946 г. – 24, в 1950 г. – 34 (Бацаев, 2002. С. 122, 123, 132; Бацаев, Козлов, 2002. С. 219, 230; Козлов, 2004. С. 154; ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 436, л. 44).

С 1947 г. прибытие «власовцев» в Дальстрой почти прекратилось, а часть их стали отправлять обратно, на «материк». Например, в 1948 г. из Нагаево вывезли 794 репатриантов (ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 2306, л. 56). Состав спецпоселенцев стал пополняться другими контингентами (немцами, выселенцами из Крыма, с Кавказа и др.), но в значительно меньших количествах, поэтому среди спецпоселенцев на Северо-Востоке репатрианты до 1952 г. (года их массового освобождения) продолжали оставаться в большинстве (по нашим подсчетам, 88–90%) (Чернолуцкая, 2005, 2006). Они работали наряду с заключенными на всех предприятиях Дальстроя, главным об-

разом на приисках и в геологоразведке. Кроме того, их охотно брали в военизированную охрану. Так, в начале 1950 г. среди 9,9 тыс. вохровцев было 889 репатриантов и спецпоселенцев, 840 солдат срочной службы, 6707 договорников, 1443 бывших заключенных (ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 3064, л. 34). До 1953 г. спецпоселенцы занимали стабильную нишу в составе рабочей силы предприятий ДС – около 11–15% (для сравнения: заключенные – 43–54%) (Чернолуцкая, 2005. С. 602–605).

Кроме Колымы репатриантов разместили и в других районах Дальнего Востока. Например, до перевода на спецпоселение на строительстве железной дороги Комсомольск – Советская Гавань (стройка № 500) в начале 1946 г. работал 12 821 чел. (Еланцева, 1995. С. 59–60), на сахалинских предприятиях в апреле 1946 г. – 1058, в том числе «власовцев» – 122, легионеров – 317, служивших в немецкой армии – 598, полицейских и предателей – 21 (Сахалинский центр документации новейшей истории. Ф. П-4, оп. 1, д. 278, л. 61). Министр внутренних дел С. Круглов 21 апреля 1946 г. дал распоряжение закрепить в Сахалинской области на нефтепромыслах в г. Охе и угольных копях в районе г. Александровска 957 репатриантов, в Амурской области на Райчихинских углеразработках – 1505 чел., остальных из Хабаровского края отправить в Дальстрой. Исключение было сделано только для латышей, литовцев и эстонцев, которые подлежали возвращению в свои республики (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 215, л. 150).

В июне – октябре 1946 г. на учет Отдела спецпоселений УМВД Хабаровского края были приняты 4234 «власовца». Их разместили в Нижне-Амурской, Сахалинской, Амурской областях и районах краевого подчинения, передав для трудового устройства предприятиям золотодобывающей, нефтяной, угольной, лесной промышленности, состав рабочей силы которых они существенно пополнили (История..., 2004. С. 527). Например, в тресте «Амурзолото» среди вновь прибывших работников в 1946 г. спецконтингент составил 32% (874 чел.), в 1947 г. – 45,3% (1264 чел.) (Государственный архив Амурской области, далее – ГААО. Ф. 542, оп. 2, д. 54, л. 4; д. 66, лл. 98, 102, 104).

В Приморском крае «власовцев» перевели в статус спецпоселенцев после фильтрации в ПФЛ в феврале – марте 1947 г. на основании приказа министра С. Круглова № 995 от 12 февраля того же года. К началу апреля в спецкомендатурах гг. Артема, Сучана, Ворошилова, Владивостока, Советской Гавани*, с. Тернея состояло на учете 3827 чел. Большинство работало на угледобыче. В 1947 г. 187 «власовцев» из Приморского края перевели на запад страны в трест «Сталинск-

*В то время Советская Гавань входила в территориально-административные рамки Приморского края.

промстрой», куда рабочую силу собирали «по крохам» из разных регионов в рамках выполнения Постановления СМ СССР № 2502 от 14 мая 1947 г. (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 323, л. 250; д. 327, л. 28).

На 10 ноября 1948 г. в рамках Дальнего Востока занятость «власовцев» на производстве характеризуют следующие сведения. **Приморский край:** трест «Артемуголь» – 1094 чел., Ворошиловское, Липовское и Тавричанское шахтоуправления – 621, трест «Сучануголь» – 831, система МВД – 240, предприятия легкой промышленности – 7, всего – 2793 чел. **Хабаровский край:** трест «Райчихуголь» – 1206, трест «Хабаровсколес» – 495, тресты «Приморзолото» и «Амурзолото» – 2351, ХОЗО УМВД и УМГБ – 169, всего – 4221 чел. **Сахалинская область:** предприятия угольной промышленности – 606, нефтяной промышленности – 574, всего – 1180 чел. **Дальстрой** (на конец года): 28,4 тыс. чел. (Там же, д. 435, лл. 192, 193, 198; Земсков, 2005. С. 165).

Этнический состав контингента «власовцы» был пестрым, но со значительным преобладанием русских, о чем свидетельствуют материалы переписи спецпоселенцев, проведенной в Дальстрое 10 марта – 4 апреля 1949 г. Из 25 040 чел., прошедших перепись, было: русских – 14 608, украинцев – 5418, белорусов – 1269, узбеков – 588, казахов – 452, татар – 427, азербайджанцев – 383, грузин – 335, армян – 258, кабардинцев – 154, поляков – 105, чувашей – 101 и еще 53 более мелкие группы (менее 100 чел. в каждой). Почти все они являлись гражданами СССР, однако в эту группу попали и 43 чел., имевших иное гражданство, в том числе Польши – 28, Румынии – 11, Венгрии и Югославии – по одному, вне подданства – два (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 484, лл. 318, 318об., 322).

Находившихся ранее в составе спецконтингента прибалтов в 1946–1948 гг. отправили на родину. Об этом ходатайствовало руководство Латвийской ССР, что нашло поддержку в Москве: Совет Министров СССР 13 апреля 1946 г. принял Постановление № 843-342сс «О возвращении на родину репатриантов – латышей, эстонцев и литовцев», а МВД СССР отдал соответствующий приказ № 00336 от 19 апреля 1946 г. С этого времени представители этих народов не подлежали отправке на спецпоселение, а должны были быть возвращены в свои республики (Земсков, 1993. С. 18; он же, 2005. С. 134; Крушанова, 2006. С. 38; ГАРФ. Ф. Р-9478, оп. 1, д. 950, л. 6).

Всего по стране к 1 мая 1946 г. в ПФЛ и ИТЛ МВД, рабочих батальонах и на спецпоселениях было выявлено 39,5 тыс. прибалтов, в том числе эстонцев – 4153, латышей – 30 323, литовцев – 5052. Директивой МВД СССР № 153 от 11 июня того же года начальникам лагерей МВД предлагалось к 1 августа оформить их освобождение, при этом лиц непризывных возрастов требовалось отправлять на родину к семьям не позднее 1 де-

кабря 1946 г., а лиц призывных возрастов (1922–1927 г. р.) – на стройки в прибалтийские республики в течение августа – декабря 1946 г. по нарядам ГУЛАГа. Распоряжением МВД СССР № 224 от 10 сентября 1946 г. для всех прибалтов-репатриантов соответствующего возраста, независимо от национальности, местом работы было определено строительство комбината № 7 МВД СССР на ст. Нарва Эстонской железной дороги. К началу следующего года из общего количества выявленных в составе спецконтингента 41,6 тыс. прибалтов по месту назначения отправили 38,2 тыс. чел. (ГАРФ. Ф. Р-9478, оп. 1, д. 950, лл. 12–13, 74, 81, 130–131).

На Дальнем Востоке было учтено 6290 чел., подлежавших отправке в Прибалтику, в том числе 4896 латышей, 845 эстонцев, 549 литовцев. Из них 76% находились в Хабаровском крае, 20% – в Дальстрое и 4% – в Приморском крае. К концу 1946 г. лишь из Приморского края были вывезены все лица данной категории, которые до этого работали во Владивостокской конторе строительства № 500. Однако в Хабаровском крае к началу 1947 г. оставались еще 1781, а в Дальстрое – 970 чел. Позже (19 апреля 1947 г.) начальник УНКВД-УМВД по ДС Окунев сообщал, что в течение навигации 1946 г. было отправлено 906, а оставалось на Колыме 320 чел. Руководители предприятий старались задержать у себя работников до конца отведенного директивами срока, т. е. до конца года (что было характерно и для других регионов страны), а к тому времени вывезти людей стало невозможно из-за окончания навигации. Руководители УМВД обещали оставшихся отправить из Хабаровского края в январе 1947 г. после прокладки ледовой железной дороги через р. Амур, а из Дальстроя – пароходами с началом морской навигации в апреле-мае. Но и в мае в Хабаровском крае оставались 94 чел., а в Дальстрое – 322. Только 11 июня и 15 июля из Нагаева пароходами «Джурма» и «Красногвардеец» выбыли 214 репатриантов-прибалтов. На 1 августа 1947 г. по всей стране не отправленными на родину оставались 1 чел. из Казахской ССР и 107 чел. из Дальстроя по причине задержки их предприятиями. И только после нажима из Москвы начальник ДС И. Ф. Никишов дал указание об увольнении этих людей весной 1948 г. (Там же, д. 950, лл. 6–160).

Вывоз прибалтов не повлиял на то, что «власовцы» продолжали оставаться самой многочисленной категорией спецпереселенцев на Дальнем Востоке. На 1 января 1952 г. всего на учете ОСП по региону состояли 94 610 чел., среди них 36 945 (39%) «власовцев», 33 535 (35,4%) оуоновцев, 9 099 (9,6%) немцев и другие более мелкие контингенты (подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 436, лл. 121–135).

В рамках региона территориальное размещение и динамика численности «власовцев» отражены в таблице.

Динамика численности спецпоселенцев «власовцев» на Дальнем Востоке в 1946–1953 гг., чел.

The number dynamics of the «vlasovtsy» post-war prisoners in the Soviet Far East in 1946–1953

Дата	Даль- строй	Хабаров- ский край	Амурская область	Сахалин- ская область	Примор- ский край	Всего
01.01.1946	29 036	—	—	—	—	29 036
01.04.1947	29 192	1891	1598	1220	3827	37 728
01.01.1948	28 682	4323*		1220	3196	37 421
01.01.1949	28 366	2692	3185	1218	3448	39 137
01.07.1950	25 198	3209	3416	1092	3470	36 375
01.01.1952	24 569	4464	3405	1060	3448	36 946
01.01.1953	3068	1396	1308	325	1117	7214

Примечание. ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 1919, л. 26; ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 323, лл. 252–258; д. 364, л. 199об., 200, 207об.; д. 366, лл. 35, 35об., 39об., 43; д. 436, лл. 121–134; д. 641, лл. 40–42, 56, 65, 374об., 350об.; Бацаев, Козлов, 2002. С. 263; Земсков, 2005. С. 165–166.

* Вместе с Амурской областью.

Правовое положение «власовцев» определялось общими для спецпоселенцев всех категорий правилами. Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. провозглашало, что спецпоселенцы пользуются всеми правами граждан, но не могут самовольно отлучаться за пределы района расселения и обязаны соблюдать все условия пребывания на учете спецкомендатур. В последующие годы быстрый рост численности принудительных мигрантов в СССР и накопление связанных с этим проблем привели к ужесточению политики в сфере действия данного пенитенциарного института. Постановление Совета Министров СССР № 418-161сс от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселениях» требовало от МВД установить строгий режим в местах поселений, исключив возможность побегов (за которые вводилось наказание в виде 10 лет лишения свободы), организовать точный учет и надзор, обязательное трудоустройство спецпоселенцев. Главы их семей обязаны были отмечаться в спецкомендатурах раз в месяц, а «власовцы» и оуновцы – два раза. В паспортах спецпоселенцев делались особые отметки о разрешении проживания в конкретной местности. У «власовцев» и оуновцев паспорта изымались, вместо них выдавались справки, удостоверявшие личность, с указанием места работы и разрешенного района проживания (История..., 2004. С. 79–90, 128–131). Основные усилия силовых органов были направлены на борьбу с побегами и максимально полное трудовое использование спецпоселенцев.

Отметим, что в ряде регионов страны побеги из спецссылки приобрели довольно значительный размах. Но на Дальнем Востоке официальными данными этого зафиксировано не было. Так, на 25 декабря 1946 г. по Хабаровскому краю количество бежавших и не разысканных «власовцев» составляло около 3 чел. на каждые 1000 чел. (это был

один из лучших показателей среди регионов). Однако во многих периферийных УМВД отчетные показатели и реальность не соответствовали друг другу, что говорило о неспособности силовых структур полностью «держать в узде» постоянно растущую массу подневольного населения. Например, до июля 1948 г. по Приморскому краю числились в бегах только 2 чел., в то время как фактически бежало свыше 200 чел., розыск которых организован не был. Более того, обнаружилось, что в апреле-мае 1947 г. во Владивостоке группа лиц – работник горвоенкомата майор медицинской службы, начальник паспортного стола 2-го

отделения милиции и учетчица военно-учетного стола того же отделения – при содействии двух спецпоселенцев занимались выдачей за взятки паспортов и военных билетов спецпоселенцам, по которым последние совершали побеги (Там же. С. 74, 529, 593, 595). Оперуполномоченный Артемовского горотдела МВД в 1947 г. выдал 19 репатриантам фиктивные справки, получив взятки от 1000 до 2000 руб. за одну справку. В результате 16 чел., получив на основании этих справок паспорта и военные билеты, скрылись. Оперуполномоченный был осужден к 10 годам лишения свободы и исключен из партии (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-68, оп. 34, д. 935, л. 305).

Условия труда и быта всех категорий спецпоселенцев во многом зависели от района расселения и сферы занятости. При всех этих обстоятельствах положение «власовцев» усугублялось тем, что состав этой группы по полу был почти полностью мужским. Например, в начале 1952 г. из 36,9 тыс. «власовцев», находившихся на Дальнем Востоке, было только 45 женщин: по 2 в Приморском и Хабаровском краях, 15 – в Амурской области, 26 – в Дальстрое (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 436, лл. 121–134). По этой причине спецпоселенцы-репатрианты были лишены возможности реализовать одно из важнейших условий жизни человека – иметь семью, хотя формально правовых ограничений в этом не имелось.

Кроме того, данное обстоятельство позволяло хозяйственникам размещать одиночек-«власовцев» в наименее комфортные, по сравнению с семейными спецпоселенцами, жилищно-бытовые условия. В лучшем случае (например, на шахтах Приморья) для проживания им выделяли места в рабочих общежитиях. В наиболее тяжелом положении находились принудительные мигранты, отправленные на Колыму, которых нередко рассе-

ляли на территории старых лагерных зон. В 1947–1948 гг. особенно острая ситуация сложилась на приисках Северного и Западного горнопромышленных управлений, где спецпоселенцы размещались по 20–30 чел. в бараках «таежного типа», спали на сплошных нарах из жердей без постельных принадлежностей, для работы не были обеспечены спецодеждой и обувью. Из-за антисанитарных условий там свирепствовал педикулез. На участке «Новый» Фрунзенского разведрайона не было налажено снабжение продуктами и общественное питание, в результате чего в ноябре и декабре 1947 г. трое спецпоселенцев умерли от дистрофии. На прииске «25 лет Октября» из 530 спецпоселенцев 159 попали в больницу. В связи с этим заместитель министра внутренних дел СССР Рясной в служебной записке от 7 апреля 1948 г. просил начальника Дальстроя И. Ф. Никишова принять срочные меры к улучшению жилищно-бытовых условий спецпоселенцев (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 374, л. 189). Но и в декабре 1949 г. проведенное обследование показало, что кардинальных изменений не произошло: многие спецпоселенцы продолжали жить скученно в не подготовленных к зиме помещениях, спали на общих нарах. Были случаи проживания в бане и летних палатках. Для улучшения положения у руководителей приисков не было ни средств, ни заинтересованности, так как на первом месте стоял производственный план (Бацаев, 2002. С. 141). Не случайно только в 1949 г. от спецпоселенцев в руководящие органы Дальстроя поступило 712 заявлений и жалоб (ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 3064, л. 61).

Неоднозначным было отношение к «власовцам» на производстве. Руководители предприятий, чрезвычайно заинтересованные в получении рабочей силы, вместе с тем были недовольны ее качеством. В отчетах треста «Амурзолото» за 1946 и 1947 г. отмечалось, что в течение длительного времени репатрианты не могли полноценно работать, *«так как, с одной стороны, физически были до известной степени ослаблены и требовали поправки, и, с другой стороны – не будучи знакомы с процессами производства, а в некоторых случаях совершенно не приспособлены к физическому труду – очень долго осваивали трудовые процессы. <...> Почти все нарушения трудовой дисциплины относятся на счет неосознанности и недисциплинированности спецконтингента. Среди них наблюдаются отказы от работы, грубость, невыполнение распоряжений, хулиганство и кражи <...>. По подготовке кадров план не выполнен, объясняется это тем, что основная масса вновь прибывших рабочих – спецконтингент – очень слабо поддающийся обучению...»* (ГААО. Ф. 542, оп. 2, д. 54, л. 4; д. 66, лл. 98, 102, 104).

В Дальстрое спецпоселенцы попадали в общую «лагерную» атмосферу, которая провоцировала их

криминализацию. Как отмечалось в одном из документов МВД, плохая изоляция вольнонаемного состава (к которому относились и спецпоселенцы) от заключенных приводила к *«многочисленным фактам преступных связей, ... росту банд-проявлений, грабежей, хищений золота и товарно-материальных ценностей»* (ГАМО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 3148, л. 196).

Со своей стороны «вольное население» отвечало «власовцам» неприязнью. На шахтах Приморского края некоторые работники открыто называли их изменниками, предателями, фашистами, отправляли в органы власти жалобы по поводу того, что репатриантов выдвигают на руководящую работу, а кадровых рабочих – нет. Один из «власовцев» был арестован в результате доноса. По указанию местных партийных органов администрация шахтоуправления «Приморскуголь» сняла более 100 спецпоселенцев с должностей горных мастеров, механиков и бригадиров (Ващук и др., 2002. С. 117; История..., 2004. С. 644). Все это вызывало с обеих сторон чувство озлобленности, создавало напряженную психологическую атмосферу.

По моральным характеристикам репатрианты, как и любая социальная группа, представляли собой неоднородную массу. Общей судьбой этих людей стало пребывание во время войны на вражеской территории, что накладывало свой отпечаток как на них самих, так и на отношение к ним окружающих. Тем не менее перевод на спецпоселение после прохождения фильтрации означал отсутствие выявленных доказательств причастности к преступлениям. Большинство бывших военнопленных и мелких коллаборационистов оказались таковыми под давлением неумолимых обстоятельств военного времени.

Одна из характерных судеб «власовцев» представлена в материалах личного дела И. Ф.*, находившегося на спецпоселении в Приморском крае. Это уроженец Пензенской области. В 1941 г. после окончания школы работал в колхозе учетчиком, в 1942 г. призван в армию, участвовал в боях, получил звание младшего сержанта и документы на получение медали «За оборону Сталинграда». В июле 1943 г., попав вместе с частью в окружение, был контужен и взят в плен. Прошел через немецкие лагеря военнопленных в Белгороде, Харькове, Крюкове. В ноябре 1943 г. его отправили во Францию, где включили рядовым солдатом в немецкий саперный батальон, занятый на оборонных работах, русских там было человек 20, остальные немцы. В августе 1944 г. был освобожден из плена союзными войсками и через Италию и Египет репатриирован в СССР в марте 1945 г. Из Одессы направлен в Белоруссию в запасную

*Имя зашифровано в связи с законом о сохранении личной тайны.

стрелковую дивизию, где в течение трех месяцев обучался военному делу. В августе 1945 г. вместе со своей ротой прибыл в г. Артем Приморского края, а в марте 1946 г. переведен на спецпоселение. Работал на шахте. Освобожден по истечении 6-летнего срока в марте 1952 г. с запретом проживать в режимных местностях, предусмотренных ст. 39 Положения о паспортах (ГАПК. Ф. Р-1588, д. 1577, лл. 1–20).

Вместе с тем в число спецпоселенцев удалось «просочиться» и некоторым лицам, совершившим во время войны уголовно наказуемые деяния. На выявление таковых была направлена агентурно-оперативная работа. В январе – октябре 1947 г. органы МВД по всей стране арестовали и привлекли к уголовной ответственности 1707 спецпоселенцев «власовцев», в том числе агентов иностранных разведок – 27, активных немецких пособников, предателей и изменников Родины – 369, уголовных преступников – 1135 (из них за бандитизм – 63, вооруженный грабеж – 19).

На Дальнем Востоке в 1947 г. за предательство и пособничество немецким оккупантам были арестованы 142 спецпоселенца. В Дальстрое в их числе оказались А. В. Сорокин, И. В. Федоров, В. П. Дерибас. Сорокин в 1942 г. из Красной Армии добровольно перешел на сторону немецких войск, поступил в Ровеньковскую окружную жандармерию Ворошиловградской области. Во время допросов жестоко избивал содержавшихся в Ровеньковской тюрьме арестованных руководителей и членов Краснодарской подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» – О. Кошевого, Л. Шевцову, Субботина и др. Неоднократно принимал участие в расстрелах партийно-советского актива. На спецпоселении вел антисоветскую пропаганду.

В. П. Дерибас также, будучи красноармейцем, добровольно с оружием перешел к немцам, стал заместителем начальника районной немецкой полиции в Ставропольском крае, составлял списки коммунистов, партизан и советских патриотов, лично производил аресты и участвовал в расстрелах.

И. В. Федоров служил в Красной Армии командиром взвода, в августе 1941 г. попал в плен. Добровольно поступил в школу пропагандистов «Российской освободительной армии», по окончании которой получил звание лейтенанта немецкой армии и был направлен в Норвегию в лагеря для советских военнопленных, где проводил антисоветскую агитацию и занимался вербовкой военнопленных в армию Власова. Военным трибуналом войск УМВД по Дальстрою Сорокин и Дерибас были приговорены к расстрелу, Федоров – к 10 годам лишения свободы.

В Хабаровском крае арестовали спецпоселенца В. Н. Коваленко. Проживая на оккупированной территории в Полтавской области, он добровольно поступил в немецкую полицию, был активным участником карательных экспедиций. В марте

1943 г. вместе с другими полицейскими принимал участие в зверской расправе над жителями деревни Озыряне Варванского района Черниговской области, где 300 чел. были заперты в сарай и расстреляны из пулеметов. После расстрела вся деревня Озыряне была сожжена. Военным Трибуналом войск МВД по Хабаровскому краю Коваленко приговорен к 25 годам каторжных работ (ГАРФ. Ф. Р-9479, оп. 1, д. 327, лл. 56–62, 81; д. 366, л. 315).

Часть преступников этой категории не получила официального оправдания и по сей день. Так, в Магаданской области по состоянию на 2009 г. отделом спецфондов и реабилитации ИЦ УВД* было отказано в реабилитации 419 гражданам, из них 353 «власовцам» (Райзман, 2009. С. 92).

По истечении 6-летнего срока «власовцев» стали снимать с учета спецпоселений на основании приказа МГБ СССР № 00776 от 24 октября 1951 г. Освобожденным запрещалось проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, погранзонах и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР, западных областях Украинской и Белорусской ССР.

Не все из них смогли сразу покинуть места неволи. Работники золотодобывающей, нефтяной и угольной промышленности на основании Постановления Совета Министров СССР № 1206-394сс от 5 марта 1952 г. после освобождения закреплялись за предприятиями министерств внутренних дел, угольной и нефтяной промышленности в качестве вольнонаемных рабочих и служащих сроком на три года. В частности, 4889 чел. в 1952 г. были таким образом закреплены в угольной промышленности Приморского, Хабаровского краев, Сахалинской, Читинской областей и 471 чел. – в нефтяной промышленности Сахалинской области. Кроме того, на «вечное» спецпоселение переводились лица, чьи семьи подпадали под это наказание (депортированные народы, бандпособники из Прибалтийских республик, западных областей УССР и БССР).

Большинство же спецпоселенцев увольнялись с прежних мест работы и уезжали. Для предприятий убытие «власовцев» стало первой крупной невосполненной потерей в трудоустройстве, основанном на массовом принуждении. Вскоре эта система придет к полному краху, ускоренному смертью Сталина. В центре процесса будут крупнейшая в СССР амнистия заключенных 1953 г. и освобождение других категорий принудительных мигрантов.

К концу 1952 г. на учете спецпоселений по контингенту «власовцы» оставались лишь те, у кого

*Отдел по реабилитации жертв политических репрессий в структуре УВД Магаданской области с некоторыми организационными преобразованиями работает с 1992 г. по настоящее время. По состоянию на 2004 г. им было реабилитировано 3696 чел., в том числе «власовцев» – 1239, ссыльнопоселенцев – 1127, по национальному признаку – 424, детей – 796, отказано в реабилитации 379 гражданам (Дубленич, 2004. С. 185).

не истекли 6 лет спецсылки, всего – 7214 чел., в том числе 1421 чел., находившийся в местах лишения свободы, поскольку срок заключения не засчитывался в срок спецпоселения (ГАРФ. Ф. Р. 9479, оп. 1, д. 641, лл. 40–42, 56, 65).

В течение 1952 г. общая численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке за счет освобождения «власовцев» сократилась на 30 тыс. чел., после чего основным «держателем» спецпоселенцев стал Хабаровский край, где размещалась большая группа «выселенцев-националистов», которых начали снимать с учета позже.

Окончательное освобождение «власовцев» состоялось на основании Указа ПВС СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

ЛИТЕРАТУРА

Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 217 с.

Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах : в 2 ч. Ч. 2 (1941–1945). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 428 с.

Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. – Владивосток : ДВО РАН, 2002. – 228 с.

Дубленич Б. Н. Осуществление реабилитации незаконно репрессированных на территории Магаданской области // III Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 183–191.

Еланцева О. П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930–40-е годы). – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. – 100 с.

Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отеч. архивы. – 1993. – № 1. – С. 4–20.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М. : Наука, 2005. – 306 с.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7-ми т. Т. 5.

Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 824 с.

Козлов А. Г. Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945–1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 151–182.

Крушанова Л. А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы : дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2006. – 256 с.

Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архивах общества «Мемориал» : аннот. каталог. – М. : Мемориал – «Звенья», 2007. – Вып. 1. – 365 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки : в 3 т. Т. 2. 1940–1959. – М. : РОССПЭН, 2001. – 416 с.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М. : ОГИ – Мемориал, 2001. – 328 с.

Райзман Д. И. Иностранцы – невольники Дальстроя. – Магадан : Ноосфера, 2009. – 191 с.

Чернолуцкая Е. Н. Спецпоселенцы в Дальстрое (1946–1956) // Наука Северо-Востока России – начало века : материалы Всерос. науч. конф. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2005. – С. 602–605.

Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в послевоенный период (1945–1950-е гг.) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Отечественная история. Т. 13. Дальний Восток России : проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX–XX в. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – С. 126–136.

Чернолуцкая Е. Н. «Кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке в 1930-е гг.: статистико-географический аспект // Миграционные процессы в азиатской России в XIX–XXI вв. : сб. науч. трудов / СО РАН. – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 93–112.

Чернолуцкая Е. Н. «Кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки : сб. науч. статей. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2010. – С. 106–114.

Щеглов В. В. Население Сахалинской области в XX в. – Ю.-Сахалинск : Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. – 149 с.

Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедев, М. В. Назаров, А. В. О कोरोков. – М. : Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. – 485 с.

Поступила в редакцию 27.12.2010 г.

«VLASOVTSY» POST-WAR PRISONERS DEPORTED TO THE SOVIET FAR EAST (1945–1955)

E. N. Chernolutskaia

This is the description of the «vlasovtsy» post-war prisoners, which were compelled to their repatriation to the USSR and then deported to their settlement areas for a 6-year period. Some of these people were deported to the Soviet Far East, under the supervision of Dalstroy System. The author describes the history of their life there including their number dynamics, area placement, and age, sex and ethnic structures. The paper contains the details of a compelled labor of this social group, conditions of their life and contacts with the local people. The archive documents from the federal and regional archives, as well as the published materials, served as a basis for this article.

Key words: compelled settlers, the post-war Soviet repatriates, «vlasovtsy», deportation, the Far East.